

МЕЖДУ РЕФОРМАМИ И РЕПРЕССИЯМИ: ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Анализируются истоки Исламской революции в Иране 1978–1979 г., которая самым серьезным образом повлияла на политический ландшафт Ближнего и Среднего Востока. В качестве причин Исламской революции в Иране автор статьи называет не только поспешные и непродуманные действия шаха М.Р. Пехлеви по реформированию иранского общества, но также и непоследовательную политику главного союзника шаха – Соединенных Штатов Америки. Корни такой непоследовательности следует искать в ранней истории взаимоотношений Вашингтона и Тегерана, которая поможет понять двойственность американского подхода к Ирану в период «Реформ шаха и народа».

Ключевые слова: США; Иран; Моххамед Моссадык.

Первые американцы, ступившие на иранскую (или персидскую, как тогда чаще говорили) землю в 1830 г., были миссионерами, объектом деятельности которых являлась община христиан-несторианцев. И хотя ими немало было сделано в плане развития образования и здравоохранения иранского народа, нередко они проявляли высокомерие и непонимание норм поведения местного населения. Один из таких миссионеров, Джастин Перкинс, отзывался о мусульманах-шиитах как о «диких мохаммединцах». Он считал, что дни ислама сочтены: «Подобно могучему айсбергу, оторвавшемуся от своего унылого ледника и медленно дрейфующему в сторону таяния, мохаммедизм, окруженный светом и теплом цивилизации и христианства, точно так же растает и тихо и безвредно улечит» [1. Р. 15–16]. Слова Дж. Перкинса слово бы заложили модель восприятия иранского общества, характерную для целого ряда американских политиков и дипломатов, восхищавшихся древней культурой и историей Персии, но относившихся к иранцам как к нецивилизованному, фанатичному и отсталому народу.

Тем не менее в отношении иранцев к гражданам США до Второй мировой войны было в целом мало негатива. В глазах местных жителей американцы представляли как противовес англичанам и русским, традиционно борющимся за влияние в Персии. Многие из американцев по праву пользовались уважением иранцев. Например, Говард Баскервилль – молодой учитель американской миссионерской школы в Тебризе, сражавшийся вместе с иранскими революционерами за конституцию и убитый в 1909 г. Его иногда называли «американским Лафайетом в Иране», сравнивая со знаменитым французским маркизом, воевавшим за независимость североамериканских колоний.

Был у Соединенных Штатов в Иране не только свой Лафайет, но и свой, если так можно выразиться, Грибоедов – Роберт Имбри, американский консул в Тегеране, зверски убитый толпой религиозных фанатиков в 1924 г. Но только в отличие от автора «Горе от ума» у Р. Имбри не было серьезных свершений на дипломатическом поприще, не было своего Туркманчайского договора, да и дипломатом его можно назвать с большой натяжкой, скорее шпионом и авантюристом. Событиями в Тегеране воспользовался

премьер-министр Реза Пехлеви, чтобы ввести чрезвычайное положение, объявить цензуру в прессе. Спустя год Пехлеви займет шахский трон. Как и в случае с резней в русском посольстве в 1829 г., Тегеран предложит денежную компенсацию за убийство Р. Имбри [2. Р. 275–292].

Несмотря на то что дипломатические отношения между Вашингтоном и Тегераном были установлены еще в 1856 г., активными они не были еще долгое время. Первыми настойчивый интерес к Ирану стали проявлять американские нефтяные компании. «Стэндрт Ойл оф Нью Джерси» начала вести переговоры о приобретении концессий на севере Ирана в 1920–1921 гг., спустя несколько лет к ней присоединилась «Синклэйр», но обе компании успеха не добились. Усилия американских компаний провалились во многом из-за противодействия англичан. Еще в начале XX в. «Англо-персидская (потом “Англо-иранская”) нефтяная компания» завладела монополией на добычу нефти в Иране и ревностно ее охраняла.

Место Ирана в американской внешней политике изменилось в годы Второй мировой войны. В Иране был размещен 30-тысячный контингент американских войск, обеспечивавший поставки по ленд-лизу в СССР. Война с нацистской Германией и ее союзниками лишней раз показала значение нефти в современных войнах. Интерес США к Ирану точно характеризовали слова государственного секретаря Корделла Хэлла: «В наших интересах, чтобы в Персидском заливе не укрепилось противоречащее позициям нефтяных американских компаний в Саудовской Аравии влияние какой-либо великой державы» [1. Р. 19]. Но как раз в годы войны в принципе благожелательное отношение иранцев к американцам стало меняться. Американские военнослужащие проявляли мало почтения к местным обычаям и традициям. Пьянство, уличные драки, лихачество на дорогах стали предметом постоянных жалоб на поведение американских солдат. Незнание иранской специфики продемонстрировал даже Ф.Д. Рузвельт, когда прибыл в Тегеран в 1943 г. на переговоры с союзниками. Президент США, совершив визит вежливости к иранскому шаху Моххамеду Реза Пехлеви, отклонил просьбу последнего навестить главу Соединенных Штатов. Иранское общество было шокировано. Особенно это контрастировало с поведением И.В. Сталина, пригласившего

молодого шаха на продолжительную встречу [1. Р. 46–47].

К концу 1940-х гг. Соединенные Штаты стали усиливать свою активность в Иране. Относительно небольшая военная миссия была заменена в 1950 г. на многочисленную Группу военных советников, действовавшую вплоть до падения иранской монархии. Регулярно США отправляли в Иран своих советников. Различных американских миссий было столько, что они нередко соперничали друг с другом за внимание шаха. Знаний о специфике Ирана не доставало. Многие советники руководствовались лишь внутренним опытом, накопленным Соединенными Штатами.

Одной из наиболее заметных американских миссий в Иране руководил Артур Миллспо. Его отношение к Ирану было покровительственным и высокомерным: «Персию нельзя предоставлять самой себе, даже если русские оставят ее в покое политически... Персия все еще не приобрела навыков для самостоятельного управления» [3. Р. 19]. В середине 1940-х гг. А. Миллспо предлагал шаху ввести прогрессивную шкалу налогов и сократить расходы на содержание армии. Его предложения были восприняты многими иранцами как вмешательство в их внутренние дела. Среди тех, кто активно критиковал американского советника, был Моххамед Моссадык – пожалуй, наиболее яркая фигура среди иранских политиков конца 1940-х – начала 1950-х гг.

М. Моссадык происходил из аристократической семьи крупного землевладельца, его мать была принцессой из каджарской династии, правившей в Персии с 1781 по 1925 г. Будущий премьер-министр Ирана получил образование во Франции и Швейцарии. Его часто называют человеком левых взглядов и убеждений, несмотря на происхождение, но правильнее будет относиться к нему как к иранскому националисту. Успел побывать Моссадык губернатором провинции Фарс, министром финансов, депутатом меджлиса. В конце 1940-х гг. он стал инициатором формирования Национального фронта (НФ), объединившего несколько политических сил. Наиболее важными группами в составе Фронта были Иранская партия, Партия трудящихся, Национальная партия и Тегеранское объединение ремесленников и рыночных торговцев. Марксистская партия «Тудэ», не входя в коалицию, поддерживала НФ, хотя легально и находилась под запретом. НФ настаивал на национализации иранской нефтяной промышленности. В марте 1951 г. парламент Ирана, *меджлис*, принял соответствующий закон. Через месяц под давлением общественности шах назначил 69-летнего Моссадыка главой правительства.

Великобритания не желала отдавать иранскую нефть без борьбы. В Лондоне были даже готовы отправить свои войска в Иран, собрав осенью 1951 г. ударную группировку из частей флота, авиации и армии. Против военного вмешательства выступили США. Британский премьер-министр Клемент Эттли заявил на заседании правительства: «Мы не можем позволить себе испортить отношения с Соединенными Штатами по данному вопросу» [4. Р. 468]. Ва-

шингтон настоял на комбинации экономического и дипломатического давления вкупе с секретными действиями.

Отношение Вашингтона к Моссадыку определялось несколькими соображениями. Во-первых, Соединенным Штатам нужно было не допустить цепной национализации западной собственности в других уголках мира. Во-вторых, необходимо было остановить сближение НФ с «Тудэ» и сбить стремительный рост популярности марксистской партии в регионе. В-третьих, в условиях корейской войны крайне желательно было нейтрализовать попытки Советского Союза укрепить свое влияние в Иране, где политическая ситуация, казалось, благоволила Москве. В-четвертых, кризис в Иране создавал возможности для ослабления британского присутствия в этой стране и замены его американским. Журнал «Тайм» не случайно назвал деятельность Национального фронта «самым худшим бедствием для антикоммунистического мира со времени завоевания красными Китая» [1. Р. 80].

Соединенные Штаты верили, что деятельность правительства Моссадыка вела на последнюю ступеньку, с которой иранские коммунисты войдут в состав кабинета министров или даже возглавят его. Многие американские специалисты, работавшие в Иране, как, например, Кеннет Иверсон из Фонда Форда, считали, что призыв Моссадыка к честным и свободным выборам приведет к катастрофе, поскольку на таких выборах партия «Тудэ» победит без особых хлопот и тем самым расчистит путь для советского проникновения [5. Р. 267–268].

С осени 1952 г. ЦРУ и британская МИ-6 разрабатывали план государственного переворота в Иране. Но президент США Г. Трумэн, являясь, как говорят американцы, «хромой уткой», т.е. лидером, покидавшим свой пост и не желающим принимать ответственность за серьезные решения, не стал давать добро на осуществление подрывной операции в Тегеране. Это решение пришлось принимать новому президенту – Д. Эйзенхауэру. Детали секретного плана «Аякс» были доложены руководству США 25 июня 1953 г. Через несколько недель президент Эйзенхауэр одобрил план свержения Моссадыка. Ставка была сделана на верные шаху армейские круги Ирана. ЦРУ помогло отладить взаимодействие между антиправительственными силами, инициировало вброс в иранскую печать компромата на Моссадыка, организовало выступление «демонстрантов», требовавших отставки премьер-министра. К концу июля 1953 г. «Тудэ» открыто выступила на стороне Моссадыка. Медлить было нельзя. 19 августа офицеры иранской армии арестовали Моссадыка. Новым главой правительства был назначен генерал Фазлолла Захеда – ключевая фигура в заговоре 1953 г. [6. Р. 663–667].

В течение месяца после свержения Моссадыка в Иране было арестовано более 1 400 человек, до конца года – еще 700, около 3 тыс. чиновников были уволены по подозрению в связях с «Тудэ». Некоторых сторонников отстраненного от власти премьера казнили. Сам Моссадык был осужден на три года тюремного

заклучения, после которого он оставался под домашним арестом до самой своей смерти в 1967 г. Национальный фронт был разогнан, но его оставшиеся на свободе активисты не забивались в угол, а продолжали действовать: распространяли листовки, организовывали демонстрации, забастовки. В начале ноября 1953 г. была проведена всеобщая забастовка базарных торговцев, через месяц произошло выступление студентов Тегеранского университета [7. Р. 86–88]. Здесь в очередной раз проявилось цивилизационное непонимание Соединенными Штатами специфики иранской жизни. Репрессии не запугали иранцев, а лишь настроили их против США. Положительный имидж американцев испарился окончательно. 1953 г. стал поворотным в истории американо-иранских отношений. Победа над Моссадыком оказалась пиррова.

После смены власти в Тегеране Соединенные Штаты сосредоточились на решении двух ключевых вопросов американо-иранских отношений: урегулирование проблемы добычи нефти в Иране и подключение шахского режима к стратегическим планам Запада. В 1954 г. был создан Международный нефтяной консорциум (МНК) по эксплуатации иранской нефти, в котором у британского капитала уже не было явных доминирующих позиций. В состав нефтяного консорциума вошли пять американских компаний, каждая из которых получила по 8% акций: «Стэндрт Ойл оф Нью Джерси» («Джерси Стэндрт»), «Сокони Вакуум» (переименованная впоследствии в «Сокони Мобайл»), «Стэндрт Ойл оф Калифорния» («Сокал»), «Тексако» и «Галф». Бывший монополист – «АИНК», переименованная в «Бритиш Петролеум», получила 40% акций, англо-голландская корпорация «Роял Датч Шелл» – 14%. Еще 6% акций отошли к французской «Компани франсез де петроль».

Со стороны Ирана переговоры о создании консорциума вел министр финансов Али Амини, бывший участник Национального фронта, вышедший из коалиции в 1952 г. Шах принял условия создания МНК, которые включали выплату 50% чистой прибыли от добычи нефти Ирану. Срок действия соглашения фаталистично был определен в 25 лет – именно столько оставалось существовать шахскому режиму.

Следующей задачей американской дипломатии стало вовлечение Ирана в планы создания военно-политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке. Начало новому пакту положило подписание 24 февраля 1955 г. в Багдаде представителями Ирака и Турции договора о взаимном сотрудничестве в сфере безопасности и обороны. Текст договора был составлен в обтекаемых формулировках, в нем не содержалось никаких твердых гарантий оказания взаимной помощи, а декларировалось стремление поддерживать мир и безопасность в регионе путем заключения дополнительных соглашений. К договору могло присоединиться любое государство, которое должно было заключить специальное соглашение с кем-либо из участников данного договора или со всеми вместе. К договору в итоге примкнули Великобритания, Иран и Пакистан.

21–22 ноября 1955 г. в Багдаде состоялось учредительное заседание нового пакта. Высшим органом пакта стал Постоянный совет министров, заседавший на двух уровнях – правительственном, где каждая сторона была представлена премьер-министром или министром иностранных дел, и представительском – на уровне послов. Заседания Совета министров должны были происходить не реже раза в год. Были созданы комиссии по военным, экономическим вопросам и по борьбе с подрывной деятельностью. Соединенные Штаты предпочли официальному членству в пакте статус наблюдателя. Штаб-квартиру организации было решено разместить в столице Ирака, что определило и название пакта – «Багдадский».

Иран стал занимать все более заметное место в американской глобальной стратегии. Администрация Д. Эйзенхауэра разрабатывала так называемую периферийную стратегию сдерживания Советского Союза, предусматривавшую перераспределение американской военной и экономической помощи от европейских стран к государствам, расположенным по периметру СССР и КНР. Повышенное внимание стало оказываться таким странам, как Иран, Пакистан, Таиланд, Южная Корея, Тайвань, Южный Вьетнам.

Помимо сугубо военной помощи Соединенные Штаты стали оказывать поддержку шаху в укреплении его сил безопасности. Полковник Стивен Мид, занимавший должность военного атташе в посольстве США в Тегеране, помогал шаху реорганизовывать его разведку и контрразведку. При этом особый упор делался на изучении русского языка, добычании информации о «Тудэ», мониторинге ситуации в южных районах СССР. ЦРУ в свое время щедро снабжала деньгами лидеров племен, недовольных деятельностью правительства Моссадыка. Американские спецслужбы также активно распространяли книги, памфлеты, плакаты с критикой «Тудэ». В карикатурной манере представлялся образ М. Моссадыка. Популярной темой инспирированных американцами статей были заседания правительства, которые Моссадык якобы проводил у себя дома, лежа на кровати, одетый в розовую пижаму. Распускались слухи, что даже когда его пришли арестовывать, он принял офицеров в спальне [1. Р. 55; 7. Р. 91; 8. Р. 74; 9]. В конечном итоге Соединенные Штаты помогли шаху создать и его репрессивный аппарат, в частности САВАК – «Организацию разведки и безопасности Ирана», методы действий которой почти не отличались от гестаповских [1. Р. 98].

Помимо оказания военной и технической помощи Соединенные Штаты пытались «зайти» в Иран и с другой стороны. В этой стране активно стали действовать различные американские неправительственные организации и фонды. Наиболее заметной была деятельность Фонда Форда (ФФ), который с началом холодной войны усилил свою международную активность. Президент этого фонда Пол Хоффман говорил в связи с событиями в Иране в 1951–1953 гг., что необходимо «предпринять любые усилия, чтобы сплотить свободный мир» [5. Р. 262]. ФФ действовал в русле популярной тогда теории развития, одним из

постулатов которой была убежденность в том, что устойчивость демократических институтов в обществе напрямую зависит от уровня развития его экономики. Поэтому в развивающихся странах необходимо поощрять модернизационные процессы, и в первую очередь аграрную реформу.

Используя багаж знаний и опыта, накопленный в США на протяжении более полутора столетий, специалисты ФФ настаивали на трансформации иранского крестьянства из полузависимых от помещиков земледельцев в свободных фермеров. Начал фонд свою деятельность в Иране в этой области с создания специальной школы в г. Мамазан, где планировалось обучать наставников крестьян – своеобразных проводников аграрной реформы. Они должны были овладеть основами бухгалтерии, знаниями о кредитной политике банков, чтобы преодолеть боязнь сельских жителей самостоятельного ведения хозяйства. Нельзя сказать, что от желающих обучаться в этой школе отбоя не было – многих отпугивала насыщенная учебная программа, включавшая агрономию, методику преподавания, английский язык и даже такой курс, как «роль гражданина в обществе» [5. Р. 266–267].

Следующим начинанием Фонда Форда был пилотный проект по поощрению кредитования иранских крестьян. В основном сельские труженики Ирана вынуждены были закладывать от 30 до 75% будущего урожая землевладельцам, чтобы получить от них средства для закупки семян, техники и т.п. Крестьянина нужно было приучить вместо того, чтобы ходить на поклон к помещику, идти в банк. В районе г. Варамин, в 35 км к юго-западу от Тегерана, на средства ФФ создавался сельскохозяйственный кооператив, охватывавший примерно 1 тыс. человек. Специалисты фонда помогли договориться с банками о кредитах. Результат сначала был обнадеживающим, наблюдатели отмечали понимание финансовой ответственности членами кооператива, их постепенной уверенности, что можно работать самим на себя, но потом начались сбои. Кооператив собрал неплохой для себя урожай – 151 т хлопка, но в то время рынок хлопка переживал кризис и базарные торговцы в Тегеране отказывались покупать продукцию кооператива даже по рекордно низким ценам. Американским кураторам проекта удалось, используя свои связи, протолкнуть этот хлопок на европейские рынки, но это был не выход, вечно рассчитывать на помощь извне не приходилось [Там же. Р. 270].

Дальше, по замыслу инициаторов проекта, должна была настать «иранизация» предприятия, вовлечение местных предпринимателей и банков, но те не спешили. Не проявляло особого интереса к проекту сельскохозяйственного кооператива в Варамине и правительство. В 1957 г. администрация Д. Эйзенхауэра объявила о выделении Ирану 45 млн долл. «на поддержание обороны», и иранские министерства и банки вступили в соревнование друг с другом за этот куш. Ведомства Ирана не разделяли теорию развития, продвигаемую Фондом Форда. К тому же из-за частой смены кабинетов министров у иранских чиновников

просто не оставалось ни времени, ни желания заниматься долгосрочными проектами.

Шах пытался личным примером заставить помещиков начать продажу своих земель крестьянам. Были изданы указы о распределении коронных земель. Кстати, именно на землях шаха стали создаваться первые сельскохозяйственные кооперативы, но желающих следовать шахскому примеру было немного. Меджлис, где сильны были позиции землевладельцев, отвергал законопроекты конца 1950-х гг. о введении максимума оставшейся в собственности помещиков земли [10. С. 375–376].

Событием, повлиявшим на дальнейшую историю Ирана, стала революция в соседнем Ираке. В июле 1958 г. в результате государственного переворота рухнула монархия иракского короля Фейсала II. Падение монархии в Багдаде рассматривалось как возможный сценарий развития событий и для Ирана. Через несколько недель после революции в Багдаде Дж.Ф. Даллес говорил Д. Эйзенхауэру: «Будущее шаха представляется довольно мрачным, если не убедить его начать реформы» [11. Р. 217]. Вопрос заключался в том, какие именно реформы следует начать.

15 ноября 1958 г. Совет национальной безопасности (СНБ) США одобрил курс политики в отношении Ирана. Исходным соображением было то, что «с 1953 г. Иран рассматривается в регионе как символ влияния США и его переход к нейтрализму или к советскому контролю будет являться серьезным психологическим ударом, последствия которого скажутся на престиже США по всему Ближнему Востоку и Азии». Далее в докладе СНБ указывалось, что на нужды развития экономики Ирана ежегодно тратится около 180 млн долл., но, несмотря на такую внушительную цифру, «программа развития не дает желаемого политического результата, потому что сосредоточена на долгосрочных проектах». Отсюда делался вывод, что Соединенным Штатам следует «поощрять распределение иранских ресурсов в пользу экономически выгодных проектов, которые будут быстро осуществлены и поняты массами иранского народа» [12. Р. 605, 609, 613].

Налицо было противоречие двух моделей американского поведения в Иране. Одна, отстаиваемая неправительственными организациями, такими как Фонд Форда, исходила из теории развития: социально-экономической стабильности в Иране можно добиться только через серию долгосрочных проектов, сердцевиной которых должна стать аграрная реформа, а потом свободные крестьяне станут главной опорой модернизирующего государство строя. Совсем другой модели придерживалось американское правительство, считавшее, что главное – не экономический, а политический результат, поэтому волей-неволей, но Соединенные Штаты вынуждены ориентироваться на шаха как на главного гаранта прозападной ориентации Ирана.

14 декабря 1959 г. Д. Эйзенхауэр, совершавший турне по европейским и азиатским странам, прибыл в Тегеран. Включение Ирана в список стран, которые посещал американский президент, само по себе

должно было сказать о значимости Ирана для внешней политики США. Вместе с тем, выступая перед меджлисом, Д. Эйзенхауэр заявил: «... хотя мы у себя в Америке тратим огромные суммы денег для того, чтобы обеспечить свою безопасность и помочь нашим союзникам, мы не забываем, что одна лишь военная сила не принесет мир и справедливость, необходимо укреплять духовную и экономическую мощь» [13. Р. 309]. Тем самым президент США отвергал претензии Ирана на увеличение американской военной помощи.

Шах пытался стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию. Он инициировал создание новых партий – «Меллион» («Националисты») – партия консервативного толка во главе с премьер-министром Манучехром Экбалем, и «Мардом» («Народ») – партия «лояльной оппозиции» во главе с Асадоллой Аламом. Совершались реверансы и в сторону реальной оппозиции. Власти не стали сопротивляться возобновлению деятельности Национального фронта.

В 1960 г. иранские власти объявили о выборах в новый меджлис, которые преподносились как «честные и свободные». Мировые СМИ отправили своих корреспондентов, и те не были разочарованы. Результат выборов вроде бы был предсказуемым – как и ожидалось, большинство голосов получила «Меллион», на втором месте – «Мардом», но начались акции протеста. На улицы иранских городов Национальный фронт вывел своих сторонников. Особо неистовствовал один из наиболее активных оппозиционеров, д-р Мозаффар Бакай, который критиковал правительство за коррупцию, nepотизм, жестокость, игнорирование конституции и продажу Ирана иностранцам. Критические стрелы выпускала даже лояльная партия «Мардом». Шах понял, что начинает терять контроль над ситуацией. Он отменил результаты выборов, назначил нового премьер-министра – Джафара Шарифа-Имами, который поддерживал хорошие отношения и с Национальным фронтом, и с шиитским духовенством [14. Р. 123].

Волнения в Иране вновь заставили администрацию Д. Эйзенхауэра вернуться к вопросу о судьбе шахского режима в Иране. По указанию президента США аппарат Совета национальной безопасности подготовил в начале июля 1960 г. доклад о политике Соединенных Штатов в отношении Ирана. Основным выводом экспертов СНБ был неутешительным: «без внутренних реформ монархия, вероятно всего, будет свергнута», однако «... несмотря на слабость шахского режима, отсутствие какой-либо конструктивной прозападной альтернативы [шаху. – В.Р.] обуславливает необходимость поддержки режима для реализации интересов США в Иране». Выход из создавшегося в Иране положения аналитики СНБ видели в «реформировании архаичной социальной, экономической и политической структуры Ирана <...> усилении аппарата внутренней безопасности шаха» [12. Р. 680–688]. Таким образом, по мнению Соединенных Штатов, удержать режим М.Р. Пехлеви от падения и, следовательно, обеспечить американские интересы в Иране,

можно было путем сочетания экономических реформ и репрессий в отношении противников шахского режима.

Реформировать предстояло то, что с трудом подлежало каким-либо трансформациям. Предоставим слово человеку, который знал о ситуации в Иране не понаслышке – Дэвиду Рокфеллеру, который, будучи одним из руководителей крупнейшего в США «Чейз Манхэттен Банка», неоднократно бывал в Тегеране: «Иран располагал большими количествами нефтяных денег и всячески надеялся, что этот источник дохода будет продолжать расти. Однако не было почти ничего из того, что могло бы обеспечить продуктивное использование этих огромных средств, <...> юридическая система и система государственного управления Ирана не обладала прозрачностью, подотчетностью и не вызывала доверия. <...> Все, что имело какое-либо экономическое значение, принадлежало государству, управлялось им целиком сверху донизу и от центра к периферии, что приводило к огромнейшим потерям, неэффективности и коррупции. Любое действие требовало выплаты взятка, знакомства с кем-то находящимся у власти или того, и другого» [15. С. 363].

Таким образом, к началу 1960-х гг. в Иране сложилась ситуация, чреватая взрывом антишахских настроений. Иранская экономика страдала от хронического дефицита бюджета, была заморожена заработная плата, но в то же время доходы от добычи нефти в 1961 г. составили 305 млн долл., что было больше, чем в предыдущем году на 7% [16. Р. 427]. В беседе с американским журналистом У. Липпманом Н.С. Хрущев привел пример Ирана как страны, готовой к революции из-за нищеты народа и коррупции правительства. Советский лидер признал, что в Иране не столь сильны позиции коммунистов, но это и не важно – бедственное положение масс и тотальное воровство на верхах все равно приведут к революции [1. Р. 131].

Шатания от попыток реформирования иранского общества к жестким репрессиям в адрес оппозиции подтачивали опоры, на которых держалась власть шаха. Одной из таких опор была поддержка шахского режима Вашингтоном. Судьба американской политики в Иране была решена тогда, когда Соединенные Штаты приняли активное участие в свержении М. Моссадыка. Последующие попытки Вашингтона содействовать реформам в Иране уже, по большому счету, изменить отношение иранской националистической элиты к США не могли. Накануне серии «Реформ шаха и народа», начавшихся в 1962 г., США все еще колебались в своем выборе между кардинальными реформами иранского общества, которые почти наверняка привели бы к власти Национальный фронт, и безоговорочной поддержкой авторитарного режима М.Р. Пехлеви. Окончательный выбор в пользу последнего варианта был сделан администрацией Дж.Ф. Кеннеди. Через 15 лет после этого решения в Иране произошла Исламская революция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bill J.A. The Eagle and Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven and L., 1988.
2. Zirinsky M. Blood, Power, and Hypocrisy: The Murder of Robert Imbrie and American Relations with Pahlavi Iran, 1924 // *International Journal of Middle East Studies*. 1986. Vol. 18, № 3. P. 275–292.
3. Bonakdarian M. U.S.-Iranian Relations, 1911–1951 // *The United States and the Middle East. Diplomatic and Economic Relations in Historical Perspective: a Conference* / ed. by A. Amanat. Yale, 2000.
4. Mokhtari F. Iran's 1953 Coup Revisited: Internal Dynamics versus External Intrigue // *Middle East Journal*. 2008. Vol. 62, № 3. P. 457–488.
5. Nemchenok V.V. «That so Fair a Thing Should Be so Frail»: The Ford Foundation and the Failure of Rural Development in Iran, 1953–1964 // *Middle East Journal*. 2009. Vol. 63, № 2. P. 261–284.
6. Little D. Mission Impossible: The CIA and Cult of Covert Action in the Middle East // *Diplomatic History*. 2004. Vol. 28, № 5. P. 663–701.
7. Gasiorowski M. U.S. Foreign Policy and the Shah: Building a Client State in Iran. Ithaca, N.Y., 1991.
8. Pollack K. The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America. N.Y., 2004.
9. Эггерт К. Моссадык: ключевая фигура иранской политики // Русская служба Би-би-си. 20 августа 2003 г. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/life/newsid_3167000/3167647.stm, свободный (дата обращения: 19.03.2015).
10. История Востока: в 6 т. / отв. ред. В.Я. Белокриницкий, В.В. Наумкин. М., 2008. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000-е гг.)
11. Little D. American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945. Chapel Hill and L., 2002.
12. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Vol. XII. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. Wash., 1993.
13. The United States and Iran. A Documentary History / ed. by Alexander Y., Nanes A. Frederic, MD, 1980.
14. Cottam R. Iran and the United States: A Cold War Case Study. Pittsburgh, 1988.
15. Рокфеллер Д. Воспоминания : пер. с англ. М., 2012.
16. FRUS. 1961–1963. Vol. XVII. Near East, 1961–1962. Wash., 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

BETWEEN REFORMS AND REPRESSIONS: THE EVOLUTION OF THE US-IRANIAN RELATIONS IN THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 161–166. DOI: 10.17223/15617793/397/25

Rumyantsev Vladimir P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

Keywords: United States; Iran; Mohammad Mossadegh.

Iran has a special place in the world politics. This country is situated at the crossroads of two important global and regional security areas of the world: South Asia and the Middle East. This country has been the object of policies of great powers because of its geopolitical location and the vast resources of hydrocarbons. In the 19th century British and Russian empires encountered on the territory of the Iranian plateau. From the mid-twentieth century the United States and the Soviet Union became main antagonists here. And at the beginning of the 21st century relations between Washington and Moscow in Iran are still full of contradictions and differences. This article attempts to trace the evolution of U.S. policy toward Iran since the moment when the first Americans landed on the Persian ground until the turning-point in the history of US-Iranian relations – the overthrow of Mohammad Mossadegh's government. This coup was followed by the first attempts of social and economic reforms in Iran. Thus, chronologically the article covers a period from 1830 to 1961, stopping on the eve of the so-called “White Revolution” or the Reforms of the Shah and the People. This work is based on the U.S. diplomatic documents published in *The Foreign Policy of the United States*, as well as on the earlier collections of documents published in connection with the beginning of the Islamic revolution in Iran. The historical-genetic method was chosen as the main method of this article. The method allowed to reveal the nature of changes in the U.S. Iran policy, to show the cause-and-effect relations and patterns of American policy in its evolution. This is partly a due explanation of such a long time period under study. This article continues a series of critical publications about the U.S.-Iranian policy, initiated in 1988 by American historian J. Bill. His critical approach was continued by his compatriots M. Gasiorowski, D. Little, K. Pollack. They see reasons for the Islamic Revolution in the inconsistent course of reforms in the 1960–1970s. In contrast to his American colleagues, the author of this publication offers to have a broader look to the problem and cover the period preceding the “White Revolution”.

REFERENCES

1. Bill, J.A. (1988) *The Eagle and Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations*. New Haven and London: Yale University Press.
2. Zirinsky, M. (1986) Blood, Power, and Hypocrisy: The Murder of Robert Imbrie and American Relations with Pahlavi Iran, 1924. *International Journal of Middle East Studies*. 18 (3). pp. 275–292.
3. Bonakdarian, M. (2000) U.S.-Iranian Relations, 1911–1951. *The United States and the Middle East. Diplomatic and Economic Relations in Historical Perspective: a Conference*. Yale.
4. Mokhtari, F. (2008) Iran's 1953 Coup Revisited: Internal Dynamics versus External Intrigue. *Middle East Journal*. 62 (3). pp. 457–488.
5. Nemchenok, V.V. (2009) “That so Fair a Thing Should Be so Frail”: The Ford Foundation and the Failure of Rural Development in Iran, 1953–1964. *Middle East Journal*. 63 (2). pp. 261–284.
6. Little, D. (2004) Mission Impossible: The CIA and Cult of Covert Action in the Middle East. *Diplomatic History*. 28 (5). pp. 663–701.
7. Gasiorowski, M. (1991) *U.S. Foreign Policy and the Shah: Building a Client State in Iran*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
8. Pollack, K. (2004) *The Persian Puzzle: The Conflict Between Iran and America*. N.Y.: Random House.
9. Eggert, K. (2003) Mossadyk: klyuchevaya figura iranskoj politiki [Mossadegh: a key figure in Iranian politics]. *Russkaya sluzhba Bi-bi-si* [BBC Russian Service]. 20 August. [Online]. Available from: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/life/newsid_3167000/3167647.stm. (Accessed: 19th March 2015).
10. Belokrinitskiy, V.Ya. & Naumkin, V.V. (eds.) (2008) *Istoriya Vostoka* [The history of the East]. V. 6: *Vostok v noveyshiy period (1945–2000-e gg.)* [East in the recent period (1945–2000s.)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
11. Little, D. (2002) *American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945*. Chapel Hill and London: University of North Carolina Press.
12. Keefer, E.C. (ed.) (1993) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960*. Vol. XII. *Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula*. Washington.
13. Alexander, Y. & Nanes, A. (eds.) (1980) *The United States and Iran. A Documentary History*. Frederick, Md: Aletheia Books
14. Cottam, R. (1988) *Iran and the United States: A Cold War Case Study*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
15. Rockefeller D. (2012) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from English. Moscow: Librayt, Mezhdunarodnye otnosheniya.
16. Gerakas, E. (ed.) (1995) *FRUS. 1961–1963*. Vol. XVII. *Near East, 1961–1962*. Washington.

Received: 25 May 2015